

26. Мост: пролог перед финальной погоней

— Ладно, ладно, ладно, давай устроим это чертово шоу на дороге. Подними задницу, Док, вылезай на солнце, Абцуг, сваргань нам поужинать. Где Смит?

— Сам сваргань, если так спешишь.

— Черт подери, где Смит?

— На холме, сейчас придет.

— Сколько можно спать, солнце садится.

— Что ты хочешь, чтобы я сделала? Спрыгнула с холма или еще что?

— И то и другое.

Хейдьюк, лихорадочно возвращаясь к жизни после двадцати четырех часов реабилитации, качал примус, чтобы зажечь горелку. Он заглянул в их большой голубой общественный, выдавший виды, кофейник, высыпал оттуда мусор и остатки кофе и мокрую дохлую мышь.

— Как она попала сюда? Не говори Бонни.

— Бонни — это я.

— Не говори ей.

Он высыпал восемь столовых ложек кофе, залил воду, поставил кофейник на огонь.

— Химикаты, химикаты, мне нужны химикаты.

— Ты даже не собираешься промыть кофейник?

— Зачем?

— Там была дохлая мышь.

— Я выкинул эту дрянь. Ты видела меня. О чем волноваться? Она была дохлая. Давай, почисти картошку. Открой банку чили. Нам надо как-то поесть, в конце концов, — вытащив похожий на армейский нож из ножен, Хейдьюк порезал двухфунтовый кусок бекона

ломтями, положил их на сковороду. Они тут же начали шипеть.

— Кто это все будет есть?

— Я. Ты. Мы все. Нам предстоит трудный вечер.

Он начал открывать четыре банки чили.

— Ты откроешь чили, или я должен все делать сам? Свари яйца, ты женщина, должна в этом понимать.

— Почему ты в таком паршивом настроении?

— Я нервничаю. Я всегда в таком настроении, когда я нервничаю. Ты меня заставляешь нервничать. Скажу больше, выводишь из себя.

— Извини.

— Извини? Я не верю своим ушам, это первый раз, когда я от тебя слышу это слово. Это все, что ты можешь сказать?

— Я забираю его обратно.

К ним присоединились Редкий Гость Смит и доктор Сарвис. Они начали обсуждать План. Для Хейдьюка и Смита предполагалась работа с мостом, или мостами, в зависимости от времени, материалов и «местных условий», для Абцуг и Сарвиса — работа на карауле, по одному с каждого края. Какой из трех мостов разрушить вначале? Они сошлись на наименьшем — мост через Белый Каньон. Второй, если хватит времени — будет мост Дёрти Девил. После этих двух обрушенных мостов центральный мост через Нэрроу Каньон, Лэйк Пауэлл, вышедшую из берегов Колорадо, станет бесполезным — к нему невозможно будет проехать. С ним или без него дорога — хайвей 95, соединяющий Хэнксвилл с Блендингом, восточный и западный берег озера Пауэлл, западный и восточный края каньона будут эффективно отрезаны друг от друга. Разделены. Разломаны. На несколько месяцев. Возможно лет. Возможно навсегда.

— А если людям эта дорога нужна? — спросила Бонни.

— Эта дорога нужна только местным, — сказал Смит, — а также буровым фирмам и людям, вроде епископа Лава. И департаменту дорог, ведь строительство дорог — их религия. Никто больше никогда не слышал о ней.

— Я просто спросила, — сказала Бонни.

— Вы закончили свою дурацкую философию? — сказал Хайдьюк. — Окей. За работу. Док и Бонни, найдите что-нибудь, из чего можно изготовить дорожные знаки. Нам нужно четыре больших знака «ДОРОГА ЗАКРЫТА: МОСТ». Нам не нужны туристы в Виннебагосе, сующие нос в Дёрти Девил Ривер. Не хотелось бы увидеть поисково-спасателей в своих летающих

жестянках над Уайт Каньон Гордж, правильно? Или мы хотим? Краски нам хватит?

— Почему мне вечно поручают нудную и неинтересную работу? — заныла Бонни.

— У нас целый ящик аэрозольных красок, — сказал Смит.

— Хорошо. Я и Редкий начинаем работать с термитным тиглем. Нам понадобится примерно около...

— Почему? — заныла она.

— Потому, что ты женщина. Около четырех картонных круглых коробок. Возможно, шесть. Где барахло?

— В тайнике.

— Так я и думала, — сказала Бонни.

— Послушай, — терпеливо объяснил Хейдьюк, — господи, ты бы лучше ползала там под мостами, внизу, где крысы и скорпионы.

— Я лучше буду рисовать.

— Тогда заткнись и работай.

— Хорошо. Кто будет мыть посуду?

— Все этим всегда кончается, — сказал Док, — я помою тарелки. Хирург должен иметь чистые руки... как-нибудь.

— Надо спрятать наш лагерь, — сказал Хейдьюк, — чтобы никто не знал, что мы здесь были.

— На чем поедем? — спросил Смит.

Хейдьюк подумал.

— Возьмем оба. Возле Каньона разделимся, если нас засекут. И будем иметь замену, если один сломается. Нам много чего надо тащить с собой.

Спокойно, без спешки и хаоса, они погрузили свои вещи в пикап Смита, оставив напоследок огромную камуфляжную сетку. Они сожгли и расплющили консервные банки и бросили их в яму на месте костра (удобрили землю). Они зарыли угли в эту же яму, подмели это место и прикрыли его можжевельником. Почерневшие камни они побросали в пропасть.

Бонни и Док слезли возле старой шахты, держа молотки и краски в руках. Они нашли листы фанеры и фибролита и изготовили знаки, шесть на десять футов, гласящие: «ВНИМАНИЕ! ДОРОГА ЗАКРЫТА, СПАСИБО.»

Они сделали несколько стоек, два на четыре фута, чтобы повесить на них знаки и привязали знаки к трубам каркаса джипа Хейдьюка.

Хейдьюк и Смит выкопали материалы для термита из тайника под деревьями: 45 фунтов стружки оксида железа, 30 фунтов алюминиевой пудры, 10 фунтов перекиси бария, 22,5 фунта порошка магнезия, все это упаковали в круглую коробку с металлическими торцами.

— Это все, что есть? — спросил Хейдьюк.

— Этого что, не хватит?

— Надеюсь.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, что я не знаю, сколько понадобится, чтобы прожечь секции моста.

— Почему бы не взорвать их?

— Для этого понадобилось бы в десять раз больше динамита, — Хейдьюк поднял две картонки. — Давайте перенесем это в джип. Нам понадобится что-то вроде большой кастрюли с крышкой, чтобы перемешать в нем состав.

— Банки из тайника подойдут?

— Да.

— Почему не смешать все здесь?

— Безопаснее будет смешать состав на месте, — сказал Хейдьюк.

Они запихнули, сколько влезло, в джип Хейдьюка — порошок, взрыватели, остатки динамита, остальное сложили в пикап Смита. Солнце зашло, закат угасал на темно-сером горизонте. Они сложили маскировочную сеть. Хейдьюк замел последние следы можжевельным веником.

— Поехали, — сказал он.

Смит и Док ехали в пикапе впереди, они вели машину очень медленно, с выключенными фарами, на протяжении десяти миль по грунтовке к хайвэю. Хейдьюк и Бонни ехали позади на перегруженном джипе. Разговоров не было, все было предусмотрено заранее. Если одна группа попадает в переплет, она предупреждает другую световыми сигналами.

Бонни переживала тяжелое чувство фатализма, вновь поселившееся в ней, оно отдавалось в сердце, под ложечкой. Она радовалась, что сегодняшний ночной рейд будет последним на долгое время. Я не чувствую ничего, кроме опасности, повторяла она про себя. Она покосилась на Хейдьюка, и не смогла подавить в себе рефлекс, выбросив банку из-под пива

в окно. Она услышала, как алюминий звякнул о камень дороги. Ты, дрянь, подумала она, грязная падаль. Она вспомнила ночь и утро в застегнутом спаренном спальнике: другие ощущения. Принимала ли я таблетки сегодня? О, Боже! Короткое мгновение паники. То, что нам не нужно сейчас — маленький сбой с небес.

Она стала рыться в своей вышитой аптечке, нашла то, что нужно, бросила маленькую таблетку в рот и взяла открытую банку пива, открытого Хейдьюком. Его рука — чувствительное растение — неохотно выпустила банку.

— Что ты приняла? — подозрительно спросил он.

— Кусочек радости, — ответила она, полоща рот «Шлицем».

— Лучше бы ты шутила.

— Волнуюсь.

— Мне бы твои заботы.

Фанатик зла. Никто никогда не говорил Джорджу о Большом Плане. План приостановить операции после сегодняшнего нападения на станцию энергоснабжения. Не прекратить, а приостановить. Никто никогда не осмеливался. И сейчас, определенно, было не время.

Также был вопрос межличностных отношений. Бонни не могла помочь им, с таблетками или без; она думала о днях и неделях, даже о месяцах и годах, которые пройдут. Что-то глубоко внутри нее жаждало смысла того, что предстоит впереди. Чего-то созревающего, такого, как свой дом, если такое могло прийти ей в голову. С кем? Действительно, с кем? Абцуг нравилось жить одной, часть времени, но она никогда не представляла, что она может провести остаток жизни в таком немыслимом изгнании.

Мы одиноки. Я одинока, думала она. Только ее нищета и любовь защищали ее от одиночества — темнота, окружавшая костер лагеря, это горькое страдание утраты. Джордж... если только этот гад захочет говорить со мной.

— Скажи мне что-нибудь, — сказала она.

— Отдай мое пиво.

Громадные стены песчаника вырастали слева от них, к югу от дороги. Дорожное покрытие закончилось; они ехали сквозь пыль от пикапа Смита, следуя за ним на запад сорок миль по грунтовой дороге, ведущей к трем мостам. Не было машин на этой заброшенной дороге, хотя вагонетки с рудой из урановых рудников оставляли изрытую как стиральная доска поверхность. Шум от джипа и грохочущего груза делали беседу затруднительной, но, поскольку беседы все равно не было, она знала, что он не возражал бы, угрюмый и погруженный в себя, сукин сын.

Они проехали заправку Фрай Каньон, продуктовый магазин, купающийся в мертвенно бледных огнях ртутных паров «огней безопасности». Никого. И езда по ветреному уступу из пустынных скал и песков в сторону Глен Каньона, Нэрроу Каньона, скалистой пустыни. Появились звезды, немного, в дымке облаков. Она с трудом видела дорогу.

— Может фары включить?

Он не обратил внимания, или не расслышал. Хейдьюк смотрел на что-то впереди, вне дороги. Большие черные силуэты чего-то стального на фоне зеленого заката. Он включил и выключил фары четыре раза. Сигнал остановки. Он съехал с дороги и припарковался за небольшой группой деревьев. Он выключил двигатель, и услышал унылый монотонный звук далеко впереди.

— Что это? — спросила она.

— Бульдозеры, — он снова ожил, мрачность пропала. — Два. Большие.

— Ну?

— Помножим их на ноль.

— О, нет. Не сейчас Джордж. Как же мосты?

— Подождут. Это ненадолго.

— Ты всегда это говоришь. А потом исчезаешь на неделю. Черт!

— Бульдозеры, — хрипло пробормотал он, сверкая глазами, потянулся к ней, воняя «Шлицем», — это наш долг.

Он потянул к себе ящик с инструментами из-под сидения, поцеловал ее и вылез из машины.

— Джордж!

— Скоро буду.

Она сели и стала ждать в безумном отчаянии, глядя на голубой свет его фонаря в кабине бульдозера, который казался гигантом. Железные тиранозавры... Смит подошел к ней.

— Что случилось?

Она качнула головой в сторону бульдозеров.

— Так и думал, — сказал Смит. — Я думал...

Его голос прервался рычанием двенадцатицилиндрового «Камминса».

— Извини.

Смит испарился. Она слышала как они переговариваются: двое мужчин, кричащих под рев огромного двигателя. Смит спустился из бульдозера, где был Хейдьюк и залез в кабину другого; она видела свет его фонарика возле панели управления и услышала рев второго мотора. Через минуту оба трактора погромыхали параллельным курсом в темноту. Они были в пятидесяти футах друг от друга. Между ними была автоцистерна, рекламный щит фирмы БЛМ на столбах, и что-то вроде металлического ангара на салазках. Эти объекты внезапно ожили, приводимые в движение невидимой силой, и поехали между двух тракторов, как будто связанные невидимыми оковами. Рекламный щит упал, ангар покачнулся, автоцистерна покатила в сторону, все это уменьшалось по дороге к краю пропасти (как она узнала позже) каньона Армстронга.

Сумеречные силуэты, пыльные Хейдьюк и Смит сидели за рулем тракторов, двигаясь вперед. Внезапно они оба очень быстро выпрыгнули из кабин, трактора уже неуправляемые, грохоча как танки, поехали в сторону каньона и неожиданно исчезли из вида. Цистерна, ангар, рекламный щит последовали за ними. Пауза для свободного падения. Яркая вспышка взрыва за обрывом, затем еще одна и еще. Бонни слышала грохот катящегося железа, деревьев, вырывающихся с корнем, камней и скал, падающих в каньон. Облака пыли поднимались над краем, превращались в пылающие красные и желтые огни, растущие откуда-то снизу.

Хейдьюк вернулся в джип, его слезящиеся от дыма глаза сияли от счастья. На голове у него была кепка с безобидной надписью, вышитой спереди:

CAT®

DIESEL POWER

— Я хочу такую! — она выхватила у него кепку и примерила на себя. Она сползла ей на глаза. Он открыл еще одно пиво.

— Подтяни ленту сзади.

Он завел двигатель, вернулся на дорогу, и повел в холодную темень.

— Ладно, — сказала она, — что там произошло? Где Редкий?

Хейдьюк объяснил. Они натолкнулись на лесоповал. Два бульдозера были связаны якорной цепью, прочной настолько, чтобы корчевать деревья.

Таким простым способом правительство очищало сотни тысяч акров можжевельниковых лесов на Западе. Этой самой цепью, таким точно способом Хейдьюк и Смит очистили и сбросили в каньон все оборудование, которое было там. Что до Редкого, он ехал впереди в своем пикапе.

— Хорошо, — сказала Бонни, — но я не уверена, что этот фокус был очень умно выполнен.

Она оглянулась. Огонь пожара в каньоне становился ярче, в темноте ночи.

— Этот пожар виден за пятьдесят миль. Команда сейчас примчится сюда, это точно.

— Нет, — сказал Хейдьюк, — они будут очень заняты расследованием пожара. И пока они тут будут заниматься этим, мы будем за тридцать миль в черной лагуне, занимаясь у них под носом плавкой мостов.

Они подъехали к первому мосту. Наконец-то. Смит и Док ждали их в темноте. Под мостами было по-видимому бездонная пропасть Белого Каньона. Перегнувшись через парапет Бонни услышала шум воды внизу, но ничего не увидела. Она взяла валун двумя руками и бросила вниз с моста, но слышала только бурлящую воду внизу. Она уже пошла было прочь, как вдруг снизу раздался грохот удара камня о песчаник, и несколько всплесков донеслось из ущелья. Склонная к боязни высоты, Бонни задрожала.

— Абцуг!

Голубой свет затанцевал перед ней, выписывая восьмерки. Она повернула голову в сторону, чтобы глаза привыкли к свету.

— Да?

— Дай нам руку, детка.

Она нашла Хейдьюка и Смита, смешивающих состав в большой закрытой канистре: три части оксида железа к двум частям алюминия. Затем зажигающая смесь — четыре части перекиси бария к одной части порошка магнезия. Крепкое блюдо. Док Сарвис стоял поблизости, сигара дымилась у него в зубах.

Бонни была напугана этим безрассудством. Ее мальчики, казалось, забыли об опасности, окаменев от иллюзии власти.

— Кто на часах? — спросила она.

— Ждали тебя, моя радость, — сказал Док. — Ты у нас как катализатор для этой пока не потревоженной смеси. Эта реторта порочит доброе имя этих химикатов.

— Давайте что-то делать, — сказала она, — кто установит дорожные знаки?

— Мы, — сказал Док. — Ты и я. Но, одну секунду, я хочу посмотреть доктора Фауста за работой.

— Эта партия готова, — сказал Хейдьюк. — Сейчас мне нужен караул. Мне нужно прожечь пару отверстий в проезжей части над основной аркой моста, по одной с каждой стороны. Идея в том, что мы доберемся до арок, установим термиты в отверстиях, подожжем их и дадим им протечь вниз на сталь. Они должны прожечь их, если смеси окажется достаточно. Может не получится, так что будем смотреть внимательно.

— Ты не уверен сработает или нет?

— Я не уверен в том, что именно произойдет. Но должен быть шум и белое пламя.

— Какая температура горения?

— Три тысячи по Цельсию, около шести тысяч по Фаренгейту, правильно, Док?

— Нет-нет, — сказал Док. — Формула пересчета выглядит так: градусы по Фаренгейту эквивалентны девяти пятых градусов Цельсия плюс тридцать два. Три тысячи по Цельсию будет, так, прикинем, будет пять тысяч четыреста тридцать два по Фаренгейту.

— Все правильно, — сказал Хейдьюк. — Я хочу чтобы по всему периметру было безопасно. Караульные, ставьте дорожные знаки.

Команда начала работать. Док и Бонни вытащили два дорожных знака из джипа Хейдьюка и погрузили их в пикап Смита. Хейдьюк достал все, что ему было нужно — динамит, воспламенители, огнепроводные шнуры — из джипа, затем Смит увел его на запад. Док и Бонни проехали около мили на восток от моста на пикапе, и установили первый знак, затем еще четверть мили, где они установили второй. Они ждали.

Звук трех отрывистых свистков: опасность. Через секунду они слышали звук, сильный глухой удар — хорошо заглушенный — сильного взрыва.

— И что теперь? — спросил Док. — Это значит что мост уже взорван? Как мы вернемся назад?

Бонни снова объяснила план. Они с Доком охраняют эту точку, с которой видно десять миль пустыни. Они будут ждать сигнала Хейдьюка что термиты приведены в действие и готовы к воспламенению. Смит, тем временем делает то же самое на западе от моста. После этого — звук второго взрыва.

— После этого, — продолжила Бонни, — мы подбираем предупреждающие знаки с западной стороны и перевозим их через средний мост, через мост Дерти Девил и ставим их к западу от моста Дерти Девил. Затем Джордж работает с мостом Дерти Девил.

— Просто, — сказал Док, — просто.

— Что за средний мост?

— Мост через реку Колорадо.

— Мне кажется Джордж сказал, что Колорадо временно перенесли.

Горящий глаз Дока, горящая дешевая сигара, огонек и затем расплзающиеся клубы дыма, летящие к звездам.

— Река все еще там, но она сейчас течет через водохранилище.

— Что ты имеешь в виду?

Молчание.

— Бонни, детка, что мы здесь делаем?

Молчание. Они смотрели на дорогу, на пыльный пикап на черном фоне земли, плато, гор. Старый месяц на небе позже, чем обычно. Вокруг ни одного огня человеческого жилья, ничего, ни звука. Только шепот ночного ветерка в перегретых за день скалах. Далекий-далекий звук реактивных двигателей на высоте 29 тысяч футов в небе на севере. Никуда не убежать от этого звука. Бонни посмотрела в сторону, откуда доносился звук и увидела маленькие движущиеся огоньки между звездами Кассиопеи. Возможно он летит в Сан-Франциско, может даже в Лос-Анджелес! Она почувствовала внезапный приступ желания.

Свист. Длинный, короткий, длинный. Надо возвращаться.

Оставив свои знаки на месте, Бонни и Док влезли в пикап и поехали обратно к мосту Белого Каньона, Бонни за рулем. Они нашли бетонную дорогу, по которой Бонни повела пикап вниз.

Посредине моста она остановилась, чтобы посмотреть на два стержня арматуры, вывернутых наружу как наэлектризованные волосы — черные, изогнутые, дымящиеся и горячие, воняющие нитратами и испаренной древесной массой. В этих кратерах силовые элементы моста выглядели незащищенными, огромные балки, которые должны были прослужить века. Здесь Хейдьюк установил свои «тигли», пятигаллоновые картонные коробки наполовину выглядывающие из отверстий. Каждая коробка на две третьих была полна термита, на верху каждого термита был двухдюймовый слой зажигательной смеси. В центре смеси был конец зажигательного шнура, примотанный лентой к краю коробки, чтобы он случайно не оторвался. Шнуры были отдельно протянуты к западному краю моста, где Джордж делал знаки фонариком вверх-вниз, а эти два идиота припарковались в центре моста. Зажигалка для шнуров была в его левой руке, сверкая как бенгальский огонь на 4 июля.

— Где Джордж? — сказал Док, оглядываясь вокруг сквозь очки.

— Может быть это он там машет фонарем.

— Чего ему надо?

— Эй, — заорал Хейдьюк, — валите оттуда!

— Это Джордж, — сказала Бонни, нервничая. Она переключилась на пониженную передачу, но слишком быстро отпустила сцепление. Пикап дернулся и заглох.

— Давай же! — снова крикнул Хейдьюк, гневный, как живая бомба. Где-то позади него Редкий Гость Смит ждал, смотрел, слушал.

— Дорогая Бонни, — сказал Док с симпатией.

Она завела пикап и поехала по обломкам. Они остановились в нескольких футах позади Хейдьюка посмотреть как он зажжет шнур.

— Отъедьте, — сказал он.

— Мы хотим посмотреть.

— Отъедьте!!

— Нет.

— Ну ладно, Бог с вами.

Хейдьюк поднес зажигалку к первому шнуру, затем ко второму. Струйка дыма поднялась от каждого конца; порошок внутри лакированной оплетки горел быстро приближаясь к цели.

— Что случится потом? — спросила Бонни. — Оно взорвется?

Хейдьюк пожал плечами.

— Ты раньше не пользовался термитом?

Хейдьюк нахмурился, не ответив. Док курил сигару. Бонни ломала пальцы. Они втроем смотрели на две трубы термита в центре моста. Шнуры были не видны, только тусклый след горящего воска показывал движение огня.

Губы Хейдьюка двигались, он считал секунды.

— Сейчас, — сказал он.

Сначала из одного, затем из другого контейнера появилось пламя. Зашипело. Пламя усиливалось, становилось ярче, стало ослепительно белым как сварочная дуга, так, что было больно смотреть глазам. Мост по всей длине осветился. Они слышали один за другим два глухих хлопка, крышки цилиндров вылетели наружу. Поток расплавленного металла, чистый и яркий как солнечный свет полился вниз на стальные балки. Было хорошо видно все внизу, каждая деталь скал была ярко освещена, вплоть до воды на дне каньона. Куски и брызги шлака падали в пропасть, ярко сверкали, разгоняясь, и падали в поток воды, поднимая брызги. За ними последовали куски горячего бетона и стали.

Расплавленная масса росла, как ужасная опухоль на балках моста, затем постепенно она начала охлаждаться, свет стал угасать, снова стали видны звезды.

Мост стоял по-прежнему, невредимый, простираясь над водой, над темной пропастью каньона.

Красный отблеск, похожий на огонек сигары Дока, оставался виден под мостом, как два красных глаза сквозь глазницы дороги. Были слышны звуки шипения, тихое потрескивание,

сопровожаемое плеском огненных частиц, падающих в воду.

— Ну, — сказал Док, — выдыхая дым, на мгновение два красных светлячка мелькнули в стеклах его очков, — что ты думаешь, Джордж? Получилось или нет?

Хейдьюк нахмурился.

— Мне кажется, что мы влипли. Пойдем, посмотрим.

— Не ходи туда, — сказала Бонни.

— Почему?

— Может он вот-вот рухнет, весь мост.

— Это именно то, что я хочу узнать.

Хейдьюк ступил на мост, попрыгал, прошел к тлеющему центру и заглянул в один из рукотворных вулканов, его лицо стало розовым. Бонни пошла туда же, за ней медленно шел Док.

— Ну?

Далеко на востоке в небе зажглась зеленая звезда, упала и медленно погасла.

— Падающая звезда, — сказала Бонни. Она загадала желание.

Они стояли и смотрели, как дети.

— Больше похоже на ракету, — сказал Хейдьюк. — Мне интересно, что там у нас, черт побери...

Они смотрели вниз в дыру на красный бледный шарик тепла и стали, глядя на светящуюся массу жевательной резинки на арке моста.

— Не прожегся, — пробормотал Хейдьюк, — не прожегся насквозь.

Он посмотрел в другую дыру.

— Все, что мы имеем, это всего лишь два пятна на балках моста. Мне кажется, я сделал сильнее, чем раньше, — он пнул дымящийся стальной прут.

— Ладно, ладно, — сказал Док, — не горячись. Прочность этой стали уже не будет такой же. Вдруг кто-нибудь попытается перевезти трактор по мосту? Или бульдозер?

— Сомневаюсь. Вряд ли. Нужен пластид, пластид, около двухсот фунтов пластида.

— А если еще попробовать термит? Сколько осталось?

— Я использовал ровно половину, остальное оставил для другого моста.

Бонни увидела пару фар, приближающихся с запада, со стороны плато Грязного Дьявола.

— Это Редкий.

— Так вот, — продолжил Док, — почему бы не сделать еще одну попытку с термитом? Полное и интенсивное лечение термитом? Лучше иметь один мост, чем ни одного. Прокатим по нему большой грузовик. Дорожный грейдер, возможно. Что угодно, что мы сможем найти со стороны Хайта.

— Попробуем, — сказал Хейдьюк, глядя на приближающиеся огни. — Это не мой джип.

Три длинных сигнала прозвучали в воздухе со стороны поста Смита, сопровождаемые миганием фар. Потом еще один сигнал фар, и еще.

— Пошли, — сказал Хейдьюк.

— Куда? — спросила Бонни, — С другой стороны тоже кто-то едет.

Они повернулись и посмотрели. Две пары фар прыгали с восточной стороны.

— Я думал, вы сказали, что тут нет движения по этой дороге ночью, — сказал Док Хейдьюку, смотревшему на огни.

— Мне кажется нам лучше убраться отсюда, — сказал Хейдьюк. Он нащупал кобуру своего револьвера. — По моему мнению, нам лучше будет уехать, — он побежал к пикапу.

— Куда?! — закричала Бонни на бегу, спотыкаясь об острый кусок бетона.

Док трусил сзади, держа свою шапку, сигару, очки, его большие ноги шлепали по дороге.

— Нет причин для паники, нет причин для паники.

Хейдьюк и Бонни попрыгали в пикап, Хейдьюк завел мотор, Док залез последним и хлопнул дверью.

— Куда?

— Спросим Редкого, — сказал Хейдьюк, руля в темноту не включая фары, в сторону описывающего круги фонаря Смита.

Они нашли его стоящим на дороге возле работающего джипа, с тревожной улыбкой на лице, напоминающем клюв хищной птицы.

— Как мост?

— Все еще на месте.

— Но ослабленный, — настаивал Док, — структурно ослабленный и на грани разрушения.

— Может быть, — сказал Хейдьюк, — но я сомневаюсь.

— Эти люди приближаются, — напомнила Бонни, — обсудим мост позднее.

— Какой план побега? — спросил Хейдьюк у Смита.

Смит улыбнулся.

— План побега? — сказал он. — Я думал Бонни отвечает за план побега.

— Это не смешно, — огрызнулась Абцуг, — как отсюда уехать, Смит?

— Не нервничай, — он посмотрел на дорогу на запад. Огни, мигающие за возвышенностью, медленно приближались. — У нас есть пара минут, так что мы сделаем петлю туда и подождем, пока они проедут мимо. Затем мы вернемся на дороге и доедем до Мейз и Робберз Руст. Там мы может прятаться хоть десять лет, если придется, или мы спрячемся где-то еще, где вам больше нравится. Или мы можем разделить за средним мостом и половина из нас позаимствуют лодку в Хайт и спустятся в лагуну со сточными водами, — он уставился на огни, приближающиеся с востока. — Будь я проклят, если это не целая миссионерская бригада, епископ Лав, который баллотируется в губернаторы, болтливый сукин сын. Что скажешь, Бонни?

— Я бы сказала: давайте ехать. И я не хочу, чтобы мы разделялись.

— Могла бы и поумнее сказать, — сказал Хейдьюк.

— Что скажете, Док? — спросил Смит.

Доктор Сарвис вынул сигару.

— Давайте останемся вместе, друзья.

Смит счастливо улыбнулся.

— Это мне подходит. Теперь следуйте за мной. И без фар.

Он залез в джип и поехал вниз, срезая изгиб дороги. Хейдьюк поехал следом. Через пятьсот ярдов, на дне сухого русла, Смит остановился. Хейдьюк остановился тоже. Все ждали в темноте, широко открыв глаза, с учащенным сердцебиением, не глуша двигателя.

— Погасите лучше сигару, Док.

— Конечно.

Огни обогнули холм — первый, второй. С востока от моста приближалась другая группа, но медленно, проехав первый знак ОПАСНОСТЬ. В середине моста было видно красное

свечение. Охлаждающееся, умирающее, 5432 °С горячего термита, пятно магмы в ночи и ничего больше.

Передние и задние фары двигались по дороге дальше. В неясно освещенных кабинах были видны винтовки, глаза мужчин смотрели вперед. Был слышен шум моторов, поршней и клапанов, колес по камню и песку. Пятна света от фар плясали по мосту, откосам холмов над их головами.

Третья машина не поехала за остальными. Она свернула влево от реки, съехала с основной дороги вниз и поехала по другому маршруту. Медленно но верно по этому пути. Исчезла.

— Придется стрелять, — пробормотал Смит, который вылез из джипа и присел за передней решеткой пикапа.

Хейдьюк вытащил свой ствол, зарядил.

— Что случилось?

— Третья группа думает, что умнее всех. Положи пистолет назад. Он едет прямо по этой дороге.

— Ну, — сказал Хейдьюк, — я думаю нам просто придется размазать его, раздавить, как виноградину.

Смит смотрел в темноту, его умные глаза койота прочесывали пространство.

— Вот что мы сделаем. Ему придется ехать по этому холму спереди от нас, и он нас не увидит, пока не окажется над нами. Но он нас и потом не увидит, потому, что в этот самый момент мы включим фары и проедем прямо за ним слева, сквозь кусты до того, как он заметит кто мы.

— Какие кусты?

— Те кусты. Просто рули за мной, ты, Джордж, старая лошадь. Включите полный привод, включите фары-искатели, направьте на него и держите пока мы не проедем оба. Затем мы съедем в каньон. Просто делай как я.

Смит вернулся в джип.

Хейдьюк вышел, закрыл ступицы колес, включил полный привод, завел двигатель.

— Какой фонарь? — спросила Бонни. — Этот?

— Это управляющая ручка.

Он показал ей как светить вперед.

— Свети в глаза человеку возле водителя, если что, стрелять будет он.

— А мне что делать? — спросил Док.

— Возьми это, — Хейдьюк дал ему свой «Магнум — 357».

— Нет.

— Возьми, Док. Ты будешь со стороны огня.

— Мы договорились давно, — сказал Док, — что не будем применять физическое насилие.

— Я сделаю это, — сказала Бонни.

— Нет, нет, — сказал Док.

— Держитесь, мы готовы ехать, — сказал Хейдьюк.

— Ежи! — крикнул Док.

— Что?

— Они сзади в багажнике. Вот что я сделаю — разбросаю ежи, — пикап уже ехал, — пустите меня назад.

— Используй люк, Док.

— Что?

— Ничего.

Смит спереди включил фары джипа и стал подниматься на дальний берег сухого русла. Хейдьюк ехал следом сквозь клубы пыли, включив свои собственные фары.

— Включи фару-искатель, Бонни.

Она нажала выключатель; мощный луч упал на шею Смита.

— Убери луч с него.

Бонни направила луч точно между парой огней, приближающихся с другой стороны. Они достигли верха, огни ударили им в лицо. Хейдьюк повернул пикап влево, с дороги приближающегося автомобиля. Свет фары ослепил водителя — Хейдьюк мельком увидел перекошенное лицо епископа Лава — и затем человека рядом с ним, в надвинутой на глаза шляпе. Треск кустов, визг тормозов, Лав остановил свой «Блейзер», ослепленный.

— Вырубите свой чертов фонарь! — заорал епископ, когда они пронеслись мимо него.

Вспышки металла ружей, сыпавшиеся проклятия, щелканье затворов смешались позади. Даже сквозь рев двигателей Хейдьюк услышал знакомый шум.

— Пригнитесь! — крикнул он.

Что-то горячее, тяжелое и злое, просвистело в кабине пикапа, оставив пару звездочек на заднем и переднем стекле и рваную дыру в шторе. След от выстрела.

— Пригните головы!

Хейдьюк взял ручку управления фарой-искателем и повернул его на 180 градусов в лицо преследователя. Вторая звездочка появилась на небьющемся лобовом стекле, в шести дюймах от правого уха Хейдьюка. Паутина трещин легла поверх следа от первого выстрела. Хейдьюк переключился на пониженную передачу, вдавил газ так, что чуть не обогнал Смита.

Он посмотрел в заднее стекло и увидел сквозь плотную завесу пыли и плавающий свет от фар машину епископа, которая дергалась взад-вперед, пытаясь развернуться на узкой дороге.

Так, думал Хейдьюк, они едут за нами. Естественно. Радио здесь не работает. Это стадо возле моста, получит приказ и поедет сюда. Точно. Что еще? Вот что: погоня началась. Снова началась. А чего ты ожидал, цветов, лент и медалей? Док что-то говорил насчет ежей? Ежи?

Версия #1

Зверобой создал 22 апреля 2025 04:09:52

Зверобой обновил 22 апреля 2025 04:10:11